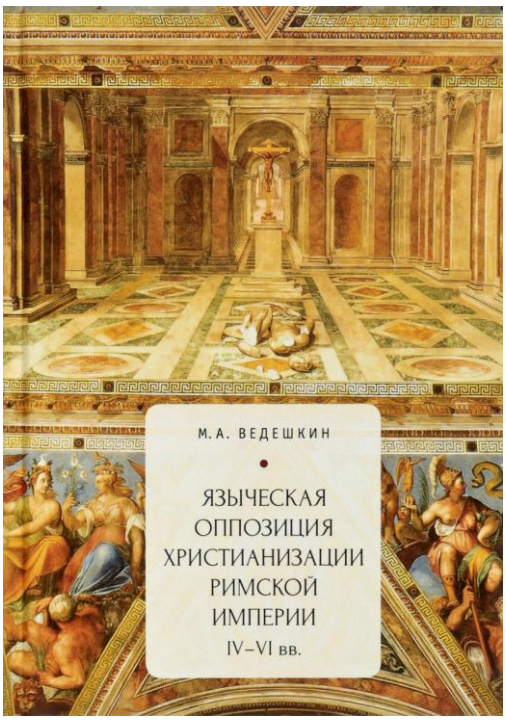

***Ведешкин М.А.* Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв.**
СПб.: Алетейя, 2020. 358 с.
ISBN 978-5-906980-80-9

Конец III – VI н.э. – один из наиболее важных периодов мировой истории, который ознаменовал собой финальную стадию существования античного мира. Не меньшую, а возможно, и большую роль данный период сыграл в истории христианской религии, которая сумела за эти три столетия из довольно распространенного, но все-таки второстепенного религиозного учения превратиться в господствующую религию Европейского континента. Миланский эдикт Константина I был воспринят многими христианами как чудо, свидетельство божественности и истинности исповедуемой ими религии, что доказывало и стремительное ее распространение на территориях Римской империи. Однако не стоит упускать из виду тот факт, что большинство населения империи в то время исповедовало язычество в форме разнообразнейших культов и учений. В таком случае встает логичный вопрос: каким образом происходила христианизация языческого населения империи? Какие экономические, политические, социальные, духовные факторы влияли на ход этого процесса? Возникали ли конфликты в ходе данного процесса? Кем являлись главные противники христианизации и по каким причинам? Именно ответам на эти вопросы посвящена монография «Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв.» кандидата исторических наук, научного сотрудника ИВИ РАН, старшего преподавателя кафедры гуманитарных наук Международного факультета РНИМУ им. Н.И. Пирогова, специалиста по поздней античности Михаила Александровича Ведешкина.

Автор отмечает, что история поздней античности во многом связана с прогрессировавшей централизацией империи во всех сферах: от экономической до религиозной. В роли официальной религии империи со времени Константина I выступило христианство, что, однако, не привело ни к единовременной смене религиозных симпатий населения империи, ни к гибели язычества. Напротив, на протяжении всего позднеантичного периода различные языческие культы пользовались значительной популярностью, как среди широких масс населения империи, так и у представителей верхушки римского общества. Автор справедливо отмечает, что трансформация всей социально-экономической, политической и религиозной системы античного общества, которая проходила в данный период, не могла не вызвать значительное число конфликтов, которые зачастую облекались в религиозную форму. Выступая с позиций неомарксизма, М.А. Ведешкин предлагает вполне оригинальный подход к проблеме оппозиции христианизации, связывая противостояние в религиозной и интеллектуальной сфере с конфликтом экономических, политических и социальных интересов различных слоев позднеантичного общества. Стоит отметить, что в первую очередь автор концентрирует внимание на двух социальных группах: сенаторской знати Рима и муниципальной аристократии восточных провинций империи.

Источниковая база исследования весьма и весьма обширна. Автор задействует несколько групп источников: нарративные, юридические, эпиграфические и нумизматические. При этом характерен широкий тематический и географический охват: автор использует как данные языческих историков и публицистов, так и сочинения христианской агиографии, как богатейший актовый материал римского и ранневизантийского права, так и египетские папирусы, как известнейшие памятники античной мысли и ораторского искусства, такие как речь «В защиту храмов» Либания и письма императора Юлиана Отступника, так и ранее не использовавшиеся источники.

Несомненно, что тема противостояния язычества и христианства в период поздней античности получила значительное и глубокое освещение в историографии. Так, В.В. Болотов частично затронул тему в своих лекциях, отметив усиление противостояния язычников и христиан после признания христианства официальной религией[1]. Однако, находясь в русле идеалистической историографии, автор мыслил оппозицию христианизации как не имевшую большой силы и распространения и ограничивая ее сроки антиязыческими законами Феодосия 390-х гг., что в целом характерно для дореволюционной русской историографии. После революции 1917 года с появлением новых методологических подходов к изучению истории проблема христианизации в поздней античности получила принципиально новое звучание. Так, Г.Л. Курбатов в своей работе «Ранневизантийский город: Антиохия в IV веке»[2] представил язычество как знамя борьбы куриальной аристократии восточных провинций против централизаторских устремлений правительства, также выявив значительную роль неоплатонизма как идеологии, выражавшей социально-политические взгляды муниципальной аристократии. Однако автор чрезмерно сужает хронологические границы существования оппозиции, ограничивая его 60-70 гг. IV в., а также констатирует совершенный упадок значения куриальной знати к началу V в. Это, вероятно, может быть связано с ограниченностью источниковой базы исследования и его акцентом на изучении только одной Антиохии, а не всей совокупности полисов востока империи.

После 1991 г. в историографии проявляются новые тенденции, не свойственные историографии советского периода. Так, в своей докторской диссертации «Христианизация Римской империи в IV веке»[3] М.М. Казаков концентрируется на изучении прежде всего идеологических и религиозных проблем противостояния язычников и христиан и отрицает экономические причины конфликта, обращая при этом особенное внимание на оппозицию христианизации в римском сенате в период от Константина I до Феодосия I. Автор, однако, ограничивает период существования оппозиции в сенате 393-394 гг., т.е. узурпацией Евгения, игнорируя эпизод с узурпацией Аттала. Напротив, именно этот сюжет находится в центре исследования в статье Н.В. Парфеновой «Язычники в осажденном Риме (408–410 гг.)». В ней автор отмечает активное участие языческой сенаторской аристократии в узурпации, что доказывает не только наличие значительной доли язычников в сенате еще в начале V в., но и то, что сенаторская знать предпринимала попытки восстановить позиции традиционных языческих культов столицы. Однако автор не пытается выявить экономические причины противостояния.

Напротив, отличительной особенностью исследования Ведешкина является последовательная привязка религиозного конфликта между язычниками и христианами к экономическому и социально-политическому противостоянию

---

[1] *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. Т.4. СПб., 1913.
[2] *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийский город: Антиохия в IV веке. Л., 1962.
[3] *Казаков М.М.* Христианизация Римской империи в IV веке: дис. д-р. ист. наук. М., 2003.

между социальными группами, основу могущества которых составляли элементы античной, языческой системы, с новыми социальными слоями, не связанными с прежним периодом и стремящимися к укреплению своего положения. Также автор подробно анализирует место императорской власти в данном противостоянии.

Первую главу автор посвящает разбору оппозиции со стороны римского сената. Ведешкин подчеркивает глубокие связи между языческим культом и социально-экономическим и политическим положением членов сената: различные жреческие коллегии, почти полностью монополизированные сенатскими семьями, предоставляли в пользование их членов значительные храмовые владения, а также налоговые иммунитеты. В политическом плане сенаторы покровительствовали различным языческим культам во всех городах империи, организовывали проведение языческих праздников и шествий, чем укрепляли свою власть и популярность. Именно поэтому, по мнению автора, противостояние христианизации стало для сенаторов способом отстаивать и свои социально-экономические и политические позиции. Императорская власть, в свою очередь, была заинтересована в усилении централизации империи, что требовало снижения влияния сенаторов в государственном управлении и сокращения размеров их земельных владений. Однако, как справедливо замечает Ведешкин, ни при Константине, ни при Константе, ни даже при Констанции II, когда по всей империи развернулась борьба с языческими культами, сенаторская аристократия и столичные культы не подвергались серьезным ограничениям, несмотря на периодические императорские акты о запрете отправления языческих культов. Объяснялось это заинтересованностью центральной власти в поддержке членов сената, многие из которых обладали колоссальными земельными владениями по всей империи, а также значительным политическим влиянием.

Проязыческая политика Юлиана Отступника не оказала существенного воздействия на позицию сената, равно как и мероприятия Валентиниана I, хотя в данный период автор и отмечает определенное обострение в противостоянии императора и сената, связанное с большим количеством судебных процессов, инициированных против сенаторов с целью конфискации их имущества. По мнению Ведешкина, в этом проявилась характерная для всего IV века черта – постепенная смена родовой аристократии служилой, зависимой от императора, а также возвышение Церкви как новой политической, экономической и идеологической силы. Тем не менее автор называет ряд причин, которые способствовали распространению христианства в сенаторской среде, например, более широкие возможности для благотворительности для женщин из сенаторских семей, что многим представлялось предпочтительнее, чем вступление в коллегию весталок.

Решающим рубежом в противостоянии сената христианизации автор видит события 378-382 гг., когда император Грациан развернул полномасштабное наступление на права столичных религиозных культов. В числе прочего были секуляризованы храмовые земли, а жреческие коллегии были лишены налоговых иммунитетов, что серьезнейшим образом сказалось на положении сенаторской аристократии, вызвав серьезное недовольство в ее среде. В связи с этим Ведешкин отмечает, что традиционный для историографии сюжет, связанный с протестом сенаторов удалению из здания сената алтаря Победы, на самом деле является вторичным по отношению к реальным причинам конфликта. Именно на восстановление прежних прав и привилегий была направлена политика языческой части сената, которая в конечном счете привела ее к поддержке узурпаций Евгения и Аттала, которые, стремясь завоевать поддержку сената, проводили проязыческую политику. Однако это, в свою очередь, усилило уже сложившийся

союз государства и Церкви. В конечном счете сенаторская аристократия уступила в противостоянии центральной власти и Церкви: после поражения Евгения в 394 г. значительная часть сенаторов была вынуждена перейти в христианство, а после свержения Аттала оппозиция в сенате окончательно потеряла свой авторитет и прежние права. Кроме того, как справедливо отмечает Ведешкин, к середине V в. сложился союз между западной Церковью, по сути, оставшейся единственной организованной силой региона, и сенаторской аристократией, практически монополизировавшей занятие епископских кафедр, в том числе и папской, до конца VI столетия.

Вторую главу автор посвящает разбору противостояния христианизации со стороны муниципальной аристократии восточных провинций. Как и в случае с сенаторской аристократией, у данной социальной группы были свои причины социально-экономического характера для противостояния христианизации, однако отличные в силу местных специфических условий. Ведешкин подчеркивает, что полисы восточных провинций империи сумели сохранить определенную автономию от центральной власти и сформировать свою элиту – куриальную аристократию. Основами ее господства являлись использование муниципального земельного фонда в своих интересах, сбор налогов с подотчетной им территории, а также занятие жреческих и культовых должностей, что давало им доступ к храмовым землям. Используя эти ресурсы, куриальная знать могла смягчать социальное расслоение полиса, тем самым поддерживая гражданские структуры полиса, а также укреплять свое личное экономическое, социальное и политическое положение. Однако подобная автономия полисов вступила к концу III в. в противоречие с государственными потребностями; Ведешкин отмечает, что глубинные причины противостояния христианизации со стороны муниципальной аристократии в конечном счете также лежали в сфере социально-экономических интересов, более конкретно – в вопросе владения общественными и храмовыми землями полиса.

Однако в отличие от запада оппозиция на востоке не имела единого центра, а потому и действия в ее отношении были более жесткими и последовательными. Так, уже при Константине I курии были в значительной степени лишены земельных владений, изъятых в пользу казны. В то же время бремя общественных литургий по-прежнему давило на куриалов, что вызвало массовое бегство из городских советов. Церковь же и новая служилая знать, по словам автора, активнейшим образом участвовали в переделе муниципальных земель, расширяли свое политическое влияние, что, естественно, вызывало недовольство муниципальной аристократии и возбуждало у нее неприязнь к христианской религии. Негативные для куриалов тенденции усиливаются в период правления Констанция II: вводится запрет на отправление языческого культа в любой форме, начинается разрушение языческих храмов, продолжается захват куриальных земель (хотя автор и замечает, что применение подобных мер на практике напрямую зависело от степени христианизации региона). Всё это усиливало неприязнь куриальной аристократии к христианству, поскольку зачинщиками разрушения храмов зачастую выступали именно христиане. При этом Ведешкин отмечает, что, несмотря на определяющую роль экономического фактора в данном конфликте, не стоит приуменьшать значение духовного и интеллектуального факторов: многие язычники были искренно верующими людьми и болезненно воспринимали гонение против своих культов; куриальная аристократия и интеллигенция были глубоко связаны с классической античной культурой и системой образования, а потому негативно воспринимали нападки Церкви на устои их жизни. Таким образом, замечает автор, конфликт гражданский сливался с конфликтом религиозным.

Своеобразную веху в истории оппозиции христианизации на востоке играет кратковременное царствование Юлиана Отступника (360-363). Юлиан предпринял последнюю в своем роде попытку реформирования государства на языческой основе. В числе его мер можно назвать укрепление положения куриальной знати путем возвращения ей муниципальных земель и поддержки местных языческих культов, попытку создать единую языческую религию с организацией наподобие церковной и т.д. Однако в силу кратковременности правления Юлиана введенные им меры не смогли обратить вспять уже начавшийся процесс централизации империи на христианской основе.

В царствование Иовиана и Валента муниципальная аристократия потеряла приобретенные ей в период правления Юлиана привилегии – значительная часть муниципальных земель вновь была конфискована. Но, как отмечает автор, в культово-религиозной сфере сохранялась терпимость по отношению к языческим обрядам. Однако после поддержки узурпации Прокопия правительство ужесточило свой курс по отношению к куриалам. Усилились конфискации земель, что вызвало повальное бегство из городских советов: траты на общественные литургии были коллективными, однако их было невозможно исполнять без материальной поддержки, которую до этого предоставляла эксплуатация полисных земель. Поэтому куриалы предпочитали покидать свое сословие, что лишь углубляло кризис полисов. Более того, после ряда покушений на Валента начался террор против представителей муниципальной знати, сопровождавшийся конфискацией земли, которую по большей части получали служилая знать и Церковь. Под их контроль переходило и податное население полисов, что усиливало кризис муниципальной аристократии.

Начало царствования Феодосия I для куриалов было сравнительно благоприятным: новый император приостановил репрессии, защитил языческие культы. Однако в то же время произошло углубление религиозного конфликта на фоне продолжавшегося разрушения храмов, часто не санкционированного властями. По мнению Ведешкина, особенно это было характерно для Александрии, где, с одной стороны, усилилось антиязыческое движение раннего монашества, которое в силу простонародного крестьянского происхождения было негативно настроено по отношению к муниципальной знати, а с другой, свои претензии на абсолютное господство предъявлял христианский клир, более конкретно – Александрийский патриарх. Впрочем, положение дел куриалов было относительно стабильным до рубежа 392 г., когда на западе власть захватил узурпатор Евгений, проводивший проязыческий курс.

С этого момента, с принятием закона 392 г. (который, впрочем, во многом игнорировали на местах), запрещавшего отправление всех форм языческого культа, империя окончательно встала на путь поддержки христианства как единственной основы централизации империи. Но Ведешкин подчеркивает, что вопреки распространенному мифу язычество в империи не погибло с принятием этого закона, хотя и существенно уступило свои позиции: большинство членов куриальной знати заключили союз с Церковью и, как на западе, почти монополизировали занятие епископских должностей, однако многие аристократы по-прежнему сохраняли веру отцов; продолжали существовать языческие культы, сфера образования, по сути, оставалась в руках языческих философов, некоторые язычники занимали важные государственные посты. Рубеж существования полисной оппозиции христианизации Ведешкин связывает с суровыми законами Юстиниана, развернувшего жесточайшие преследования против оставшихся к тому моменту последователей языческих культов, что совпало с окончательным упадком влияния муниципальной аристократии восточных провинций. Однако

автор замечает, что во многих местах языческие культы продолжили свое существование и в позднейшее время.

Таким образом, Ведешкин убедительно показывает, что оппозиция христианизации как со стороны сената, так и со стороны куриальной знати была в первую очередь вызвана трансформацией всей прежней античной системы, спутницей которой была усилившаяся централизация как в политическом и экономическом, так и в религиозном плане. Государство, заключив союз с Церковью и служилой знатью, повело борьбу с прежними элитами – родовой землевладельческой знатью, тесно связанной с античными традициями и, конкретнее, с языческими культами. Конфликт религиозный, по мнению автора, хоть и имел определенную значимость, однако в целом являлся выражением экономического и политического конфликтов.

Как представляется, подобный подход действительно помог выявить ранее не исследованные и, вероятно, не слишком приятные для традиционного христианского представления о христианизации Римской империи грани. Отметим при этом, что мы не вполне можем согласиться с приуменьшением независимости и собственной значимости духовного фактора в противостоянии христианизации, конфликта ментальностей; это проявляется, на наш взгляд, в несколько однобоком представлении причин оппозиции к язычеству египетского монашества. Несомненно, что простонародное происхождение и неприязнь к господствовавшей греческой знати играли важную роль в их мировоззрении, однако нельзя игнорировать и их религиозные убеждения, искреннюю веру в необходимость борьбы с «бесами» и «идолами» и обращения язычников ко спасению. Однако в целом автор выполняет поставленную перед собой цель, показывая всю сложность и неоднозначность процесса христианизации Римской империи и разрушая по ходу повествования ряд традиционных для историографии мифов.

Д.М.Кочанников, студент Кафедры истории Церкви